

АВТОРСКОЕ НАЧАЛО В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ СТРОЕ РУССКОГО ВОЕННОГО РАССКАЗА XIX века: ИСХОДНАЯ УСТАНОВКА И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ДОМИНАНТА

С.В. Лапунов
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

С точки зрения Г.В.Ф. Гегеля, в прозе всякое изображаемое явление «должно...показывать всем своим существованием, что находится здесь...ради определенной цели. Целесообразность откровенно провозглашает свою власть над объективностью, в которой реализуется цель» [1, 367]. Но если в художественном произведении автор имеет полную власть над материалом, то действительность – это множество «голосов»; подчинить произведение «целесообразности» – значит сузить рамки видения мира. Целевая установка господствует над объективностью до известных пределов, тем более если речь идет об изображении действительности в постоянном развитии. Выбор всех компонентов художественного текста обусловлен организующей субстанцией писательского замысла – авторским началом, которое определяет ракурс изображения. Цель статьи – выявить пути взаимодействия однопланового изображения с объективно-подвижным в русской реалистической военной прозе XIX века.

Материал и методы. Материалом явились рассказы Л.Н.Толстого, В.М.Гаршина, А.И.Куприна. Выбор обусловлен тем, что на примере творчества этих авторов, основанного на осмыслении личного опыта и стремлении к созданию объективной картины мира, наглядно прослеживаются особенности воплощения авторского начала в русской военной прозе. Для реализации поставленной цели выбраны аналитический и сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Мнение о том, что Л.Н. Толстой признавал главенствующую роль автора, является утвердившимся. Не менее бесспорно и то, что уже на раннем этапе творчества писатель проявлял интерес к изображению человека в связях с миром, во внутреннем развитии. Подобное изображение человека не было возможным, если бы «право голоса» было предоставлено только одному «всевидающему» автору. Кроме того, в рассказах Толстого дан взгляд на войну, несхожий с устоявшейся литературной традицией, а появление нового взгляда порождает полемику, то есть явный или скрытый *диалог*. Установка на диалогичность реализована в наброске «Записки о Кавказе. Поездка в Мамакай-Юрт» (1852 г.) – диалоге с незримым читателем, литературные пристрастия которого автор ясно представляет, желая «поставить воображение читателя на ту точку, с которой мы можем понимать друг друга» [2, 215].

Решающая роль в формировании авторской позиции у Толстого принадлежит рассказчику. Следует отметить, что в «Набеге» и «Рубке леса» рассказчик только начинает знакомиться с новой средой, это заставляет его быть и собеседником, и слушателем. Точка зрения рассказчика существует не сама по себе, а в соотношении с «голосами» других персонажей. В рассказе «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный» в отличие от произведений, в которых «автор поручил повествователю-герою философские и психологические обобщения, этого нет: контраст главного героя...с повествователем-героем – уже обобщение» [3, 6]. Контраст между «желанием казаться» и реальностью создает ситуацию «диалога» об ориентирах в поведении человека.

Взаимодействие в военных рассказах Толстого целевой установки автора и «многоголосия» – явление сложное и потому не укладывающееся в строгую схему. Так, в рассказе «Севастополь в декабре месяце» ведущий «голос» принадле-

жит читательскому «вы». Автор не просто «водит за собой» читателя по Севастополю, но и предлагает разделить испытываемые ощущения. Так задаются условия для диалога автора с читателем, которому предстоит расстаться со своими прежними представлениями. Кроме того, даже при наличии выраженной целевой установки «голосу» автора не принадлежит право «последнего слова». Так, зачин рассказа «Севастополь в мае» вполне «целесообразен», но в эпилоге звучит сомнение автора в возможности принять *какую-то одну* оценку изображенного: «Все хороши и все дурны» [4, 110]. Отказ автора от права быть единственным «судьей» «работает» на изображение жизни во всей ее полноте и текучести.

Изображение действительности в военной прозе В.М.Гаршина, сконцентрированное вокруг решающего «проклятые вопросы» центрального героя, на первый взгляд может показаться одноплановым. Однако решение всякого вопроса вызывает необходимость сверить свою позицию с иной. Это заметно уже в дебютном рассказе «Четыре дня», когда рассказчик-герой, размышляя о правильности решения пойти на войну, сверяет его с другими «голосами». Если в «Четырех днях» рассказчик решает «проклятые вопросы» наедине с собой, то в «Труссе» они решаются в столкновении мнений, получающих равные права. Диалог не просто рассеивает сомнения, но и открывает путь к «слиянию со всеми». Результатом воплощения этой идеи стало и то, что рассказчик осознает себя не как личность, а как часть целого, предпочитая говорить «мы» вместо «я».

Близок толстовской традиции многопланового изображения рассказ «Из воспоминаний рядового Иванова». При наличии ярко выраженной точки зрения рассказчика для раскрытия идеи важны еще несколько «голосов»: Житкова, Заикина и Венцеля. Кроме того, автор не дает рассказчику-герою права «последнего слова». Обращение к объективной манере повествования в рассказе «Денщик и офицер» обусловлено замыслом цикла «Люди и война», однако в отличие от севастопольского цикла в «Денщике и офицере» «голоса» персонажей являются подтверждением наблюдений «всевидающего» автора.

Среди требований, сформулированных А.И. Куприным в «десяти заповедях реалиста», есть мысль о том, что в произведении не должно быть ничего, что не было бы пропущено ««сквозь призму» твоей индивидуальной души или кого-нибудь другого» [5, 278]. Однако в отличие от военной прозы предшественников, исследовавших жизнь *в развитии*, Куприн сосредоточен на изображении *устоявшегося*. А поскольку герои Куприна не испытывают ощущения «текучести» жизни, изображаемое уместается в «поле зрения» повествователя. В большинстве армейских рассказов писателя мы наблюдаем тенденцию, аналогичную прослеживаемой в гаршинском «Денщике и офицере». Лишь в рассказе «Прапорщик армейский» писатель не прибегает к «целесообразности», предоставив персонажам право говорить о самих себе. Тем не менее, общая установка на «целесообразность» не означает доминирования чисто внешней точки зрения, а включает явную/возможную точку зрения всех участников событий, что подтверждает общую тенденцию развития русской реалистической военной прозы второй половины XIX века.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4-х т. Т.3./ Г.Ф.В. Гегель – М.: Искусство, 1971. – 622 с.
2. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22-х т. Т.21. / Л.Н. Толстой – М.: Худож. лит., 1979. – 422 с.

3. Нестеренко А.А. К вопросу о мастерстве Л.Н. Толстого-повествователя // Толстовский сборник. К 150-летию со дня рождения Л.Н. Толстого. – Тула.: ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1972. – С. 3 – 17.
4. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 3 / Л.Н. Толстой – М. – Л.: ГИХЛ, 1932. – 522 с.
5. А.И. Куприн о литературе / сост. Ф.И. Кулешов. – Мн.: БГУ, 1969. – 456 с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОМАТИЗМА *ПОДБОРОДОК* ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Н.О. Лапушинская
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В конце XX – начале XXI в. внимание лингвистов вновь обращается к сравнительно-сопоставительному анализу языков. Изменившиеся объективные условия в мире неотвратимо требуют нового осмысления известных фактов, какими и являются фразеологические единицы (далее ФЕ) с соматизмами. До сих пор предпочтение отдавалось изучению многочисленных фразеологических гнёзд вокруг таких опорных слов как *сердце, глаз, ухо, голова, рука, нога*. Немногочисленные гнёзда оставались в тени. Цель данного доклада – анализ функционирования соматизма *подбородок* в составе ФЕ в русском, белорусском, немецком, английском и нидерландском языках.

Материал и методы. Языковым материалом являются следующие лексемы: *подбородок* в русском языке, *надбародак* в белорусском, *Kinn* в немецком, *chin* в английском и *kin* в нидерландском, а также фразеологизмы с данными компонентами, отобранные преимущественно из одноязычных фразеологических словарей сопоставимого объёма. Языковой материал исследуется с помощью метода синхронного сопоставления, описательного метода, метода компонентного анализа и метода когнитивно-интерпретативного анализа.

Результаты и их обсуждение. Т.Н. Федуленкова считает, что «изучая компонентную структуру ФЕ, виды семантических преобразований компонентного состава, нельзя не заострить внимания на вопросе взаимоотношений компонента ФЕ со словом как основной единицей лексического уровня языка...» [1, с. 7]. Можно предположить, что основные лексические значения интересующего нас соматизма в исследуемых языках должны совпадать. При помощи метода компонентного анализа, основанного на дефинициях одноязычных толковых словарей, проверим, соответствует ли действительности гипотеза о том, что основной состав лексических значений соматизма *подбородок* в исследуемых языках является общим для этих двух восточнославянских и трёх западногерманских языков. Приведём полный объём дефиниций лексем со значением *подбородок* в каждом из исследуемых языков:

подбородок 'округло выступающая на лице передняя часть нижней челюсти';

надбародак 'круглявасць, якая закрывае на твары пярэднюю частку ніжняй сківіцы';

Kinn 'halbrunder, nach vorn gewölbter Teil des Gesichts unterhalb des Mundes beim Menschen' – *подбородок* 'полукруглая, выпуклая часть лица ниже рта у человека';

chin 'part of the face below the month; front of the lower jaw' – *подбородок* 'часть лица ниже рта; передняя сторона нижней челюсти';